

18+

Мнгерсолл Локвуд

1900 год, или
ПОСЛЕДНИЙ
ПРЕЗИДЕНТ

Ингерсолл Локвуд

1900 год, или Последний президент

«Издательские решения»

Локвуд И.

1900 год, или Последний президент / И. Локвуд — «Издательские решения»,

Победа популиста Брайана на выборах 1896 года оборачивается для Америки кошмаром. Отмена золотого стандарта, бешеная инфляция, армии безработных, штурмующие Вашингтон, и угроза распада Союза. Президент, призвавший «простых людей» к власти, не в силах остановить хаос. Ироничная, жёсткая, пугающе пророческая антиутопия, написанная в 1896 году, — о том, как рушатся республики, когда эмоции побеждают разум.

© Локвуд И.

© Издательские решения

Содержание

Глава II	10
Глава III	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

1900 год, или Последний президент

Ингерсолл Локвуд

Переводчик Наталия Золотова

Редактор Андрей Макаров

© Ингерсолл Локвуд, 2026

© Наталия Золотова, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-4696-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Чикагская платформа фактически превращается в революционную пропаганду. Она несёт угрозу национального распада и уничтожения.

— Гаррет А. Хобарт.

Об авторе

Ингерсолл Локвуд (1841—1918) — фигура, которую литературная история обошла стороной, но время от времени возвращает к жизни. Адвокат из Нью-Йорка, выпускник Йельского университета, он не был профессиональным писателем в привычном смысле слова. Он писал между делами — детективы, сатирические памфлеты, политические комментарии — и делал это с таким блеском и едкостью, что его книги запрещали, высмеивали, но никогда не оставляли равнодушными.

Локвуд жил в эпоху бурных политических схваток: биметаллизм против золотого стандарта, популисты против республиканцев, индустриальный Север против аграрного Юга. Он был свидетелем подъёма массовых движений, армий безработных, харизматических лидеров, обещающих «простым людям» немедленное счастье. И он написал книгу, которая стала не просто политической сатирой, а предупреждением.

«1900 год, или Последний президент» (1896) — его самое известное и самое тревожное произведение. В нём Локвуд смоделировал сценарий, который многие его современники сочли гротескной карикатурой: победа популистского кандидата, отказ от золотого стандарта, инфляция, бунты, угрозы сецессии. Но спустя более чем столетие эта книга читается иначе — как мрачное пророчество, в котором слишком многое узнаётся.

Локвуд не был провидцем. Он был трезвым аналитиком, видевшим, куда ведут эмоции толпы, давление региональных интересов и финансовая безответственность. И он предупредил об этом в художественной форме, оставив нам не только литературный памятник, но и инструмент для размышлений.

Сегодня, когда политические и экономические кризисы вновь стали реальностью, книга Ингерсолла Локвуда обретает второе дыхание. И мы рады представить её русскоязычному читателю — без купюр, без адаптации смыслов, только с минимальной редакторской правкой, чтобы стиль автора зазвучал для современного уха так же остро, как для его первых читателей.

От редактора

Представьте себе Америку конца XIX века. Только что отгремела Гражданская война, страна залечивает раны, но политические страсти накалены до предела. Фермеры разорены, рабочие бастуют, популисты обещают «народные деньги», а Уолл-стрит называют рассадником дьявола. На этом фоне на выборах побеждает харизматичный кандидат от «простых людей», и его администрация начинает радикальные реформы.

Звучит знакомо? Тогда вы готовы читать книгу, которую Ингерсолл Локвуд опубликовал в 1896 году, — и которая сегодня кажется написанной позавчера.

«1900 год, или Последний президент» — это политическая антиутопия, написанная по горячим следам президентской гонки между Уильямом Дженнингсом Брайаном и Уильямом Мак-Кинли. Локвуд, убеждённый сторонник золотого стандарта и противник популизма, изобразил победу Брайана как начало конца Республики. Серебро обесценивается, толпы бедняков осаждают Вашингтон, Конгресс превращается в арену гражданской войны, а Президент, оказавшийся не в силах управлять вызванными им же силами, становится трагической фигурой.

Локвуд не был беспристрастным наблюдателем. Он яростно полемизировал, высмеивал, гиперболизировал. Его книга — не беспристрастная хроника, а публицистический памфлет, причём памфлет блестящий, страстный, написанный с редким для политической прозы литературным мастерством. И в этом её ценность: через историю вымышленного президента мы видим не только политические страхи конца XIX века, но и вечные механизмы популизма, денежной эмиссии, классовой борьбы и распада общественного договора.

Редактируя этот перевод, мы стремились сохранить публицистический накал, ораторские периоды, библейские аллюзии и викторианскую риторику Локвуда. Мы не «осовременивали» его язык, не убрали повторы и риторические фигуры — они часть стиля. Мы лишь слегка причесали синтаксис, унифицировали термины и снабдили текст сносками для тех, кто хочет глубже понять исторический контекст.

Читайте медленно. Сопоставляйте с сегодняшним днём. Ужасайтесь тому, как ошибки прошлого повторяются в настоящем. И помните: Ингерсолл Локвуд предупреждал нас больше века назад.

С неизменным уважением к автору и к читателю,
Литературный редактор

Ночь вторника, 3 ноября 1896 года, выдалась ужасной для великого города Нью-Йорка. Город содрогнулся от удара — словно огромный океанский лайнер, который на полной скорости с ужасающим треском врывается в могучий айсберг, а потом отходит назад, разбитый и дрожащий.

Люди собрались за ужином — беззаботные и уверенные в себе, — когда на них обрушилась новость. Это было как гром среди ясного неба: «Алтгелд [^1] твёрдой рукой удерживает Иллинойс в стане демократов. Это делает Брайана президентом Соединённых Штатов!»

Как ни странно, жители верхней части города даже не попытались выбежать из домов и собраться на площадях, хотя ночь стояла ясная и тихая. Они сидели словно парализованные неведомым страхом и, если говорили, то только шёпотом, затаив дыхание, с бьющимися сердцами.

Не прошло и получаса, как по улицам пронеслись конные полицейские с криком: «Оставайтесь в домах, запирайте двери и баррикадируйте. Весь Ист-Сайд [^2] бунтует. Огромные толпы под предводительством анархистов и социалистов собираются и грозят разграбить дома богачей, которые так долго их притесняли. Не выходите на улицу. Погасите свет».

К счастью, губернатор Мортон [^3] был в городе, и хотя при звуке его голоса глубокая бледность старческого лица сменилась ещё более глубокой, в голосе не было и следа дрожи. «Седьмому, двадцать второму и семьдесят первому полкам — встать под ружьё». Через несколько минут сотни посыльных уже неслись по безмолвным улицам, созывая солдат в арсеналы.

Медленно, но с поразительной наглостью и упорством толпы оттесняли полицию на север. Полицейские мужественно сдерживали натиск, но тёмные массы разъярённых существ, отброшенные назад, снова вздымались с удвоенной яростью. «Успеют ли войска вовремя спасти город?» — шёпотом спрашивали друг друга кучки офицеров, руководивших своими людьми.

Около девяти вечера, под оглушительные вопли, толпа — словно четырёхголовое чудовище, дышащее огнём, — бросилась, сметая всё на своём пути, и с рёвом ворвалась в Юнион-сквер [^4]. Полиция выдохлась, но её фронт всё ещё стоял как каменная стена — правда,

подвижная. Толпа неуклонно теснила её на север, а воздух разрывался от безумных криков победителей:

— Брайан избран! Брайан избран! Наш день настал. Долой угнетателей! Смерть богачам! Смерть золотым жукам [⁵]. Смерть капиталистам! Верните нам деньги, которые вы из нас выжали. Верните нам костный мозг — им вы смазывали колёса своих колесниц!

Полиция была теперь почти беспомощна. Полицейские всё ещё размахивали дубинками, но удары не помогали, а лишь усиливали ярость огромных полчищ, надвигавшихся теперь на Мэдисон-сквер [⁶]. Отель «Пятая авеню» должен был первым ощутить на себе ярость толпы. Удастся ли войскам вовремя его спасти?

Раздался полукрик-полувоплъ радости — нечленораздельный. Мужчины перевели дух; женщины пали на колени и вглядывались в темноту. Они что-то слышали, но ещё не могли разглядеть: газовые заводы и электростанции были разрушены толпой в начале вечера. Темнота и пожары в домах богачей были ей на руку.

Снова раздался крик — на этот раз громче и отчётливей, за ним возгласы: «Они идут, они идут».

Да, они шли: двадцать второй полк — вниз по Бродвею, седьмой — по Мэдисон-авеню, оба ускоренным маршем. Минуту спустя протрубили горны, несколько чётких, резких команд прозвенели в воздухе, и два полка выстроились через всю площадь — буквально от стены до стены — в боевую линию. Толпа надвигалась. Сдержит ли эта тонкая линия войск такую огромную массу?

Ответом стал оглушительный залп, ужасный треск, будто рвались громовые раскаты. Стена огня полыхнула через всю площадь. Снова и снова она вспыхивала. Толпа остановилась, замерла, дрогнула, откатилась назад, снова двинулась вперёд. И в этот момент раздался лязг — словно вдалеке скрестились огромные клинки. Это шёл доблестный семьдесят первый полк, наступая по Двадцать третьей улице и атакуя толпу с фланга. Они двигались как железная стена, сверкающая стальными лезвиями. Полк не издавал ни криков, ни приветствий. Он сеял смерть в молчании — если не считать того, как два штыка скрещивались со звоном, сшибая очередного озверевшего врага.

Когда колокола пробили полночь, последние остатки толпы были оттеснены в укрытия, но колёса катафалков гремели до рассвета.

А затем старый губернатор на возглас мэра «Слава Богу, мы спасли город!» ответил:

— Да, но Республика...

— —

Примечания редактора:

[¹] Джон Питер Алтгелд — губернатор Иллинойса (1893—1897), сторонник Уильяма Дженнингса Брайана.

[²] Ист-Сайд — восточная часть Манхэттена, где в то время жили в основном иммигранты и бедняки.

[³] Леви П. Мортон — губернатор Нью-Йорка (1895—1896).

[⁴] Юнион-сквер — площадь в Манхэттене, традиционное место политических демонстраций.

[⁵] «Gold bugs» (золотые жуки) — презрительное прозвище сторонников золотого стандарта.

[⁶] Мэдисон-сквер — площадь в Манхэттене, расположенная в фешенебельном районе, где находится отель «Пятая авеню».

Глава II

Как ни велико было изумление мира, когда он узнал о восстании «борющихся масс» мистера Брайана в городе у моря [^1] и о чудесном спасении его роскошных особняков от огня и меча, ещё сильнее люди поразились, когда по всей стране разнеслась весть: Чикаго не нуждается ни в одном федеральном солдате.

«Чикаго безумен, но это безумие радости. Чикаго в руках толпы, но это толпа его собственных жителей — шумная, грубая, буйная, естественное ликование внезапно освобождённого класса. Ничего больше: они просто торжествуют над подлыми и корыстными душами, которые унижали бедняков и безжалостным прессом социальной и политической власти вдавливали в сердца „простых людей“ всё, до последней нитки, пока отчаяние не прижало волчье рыло вплотную к двери трудового человека».

И всё же в тот самый миг, когда ночной воздух содрогался от безумных криков «простого народа» — о том, что Господь был к ним милостив, злые менялы изгнаны из храма, каменные сердцем ростовщики наконец повержены, «народный Уильям» теперь у руля, мир и изобилие через несколько лун вернутся в хижину бедняка, Серебро — король, да, наконец-то король, — мир всё ещё недоумевал: почему красноокая анархия, стоя на Хеймаркет-сквер [^2] с поднятыми тощими руками, диким взглядом и ещё более дикими жестами, не выхватила из-за пазухи динамитную шашку и не швырнула в ненавистных прислужников закона, которые безмолвно взирали на этот бред народной радости?

Почему же так случилось? Смотрите — и узнаете. Почему одетая в белое мир шла в ногу с этой неистовой толпой и отвратила её помыслы от кровавого грабежа? Он был там. Тот господин духа, кто держал их на привязи. Он, и только он вознёс Брайана на эту великую высоту. Без его двадцати четырёх голосов выборщиков Брайан был бы обречён, безнадежно обречён. Он, и только он, удерживал великое Содружество Запада [^3] твёрдо и незыблемо в стане демократов. Потому он и пришёл как завоеватель, как королевский казначей [^4]. И стены уходящих в небо зданий дрожали, когда послушная толпа тащила его по многолюдным улицам, и десять раз по десять тысяч его приспешников ревели его имя и безумно вскидывали шляпы в диком восторге:

«Ты наш спаситель, ты очистил Храм Свободы от гнусной орды ростовщиков. Приветствуем тебя. Мы зовём тебя королевским казначеем. Брайан тоже назовёт тебя господином. Ты получишь награду. Ты будешь стоять за троном. Твоя мудрость исцелит нас. Ты очистишь страну от незаконной своры ссудодателей. Ты спасёшь Республику. Ты величайший из всех — больше, чем Вашингтон. Ты лучший друг нам, чем Линкольн. Ты сделаешь для нас больше, чем Грант. Мы твои рабы. Мы приветствуем тебя. Мы благодарим тебя. Мы благословляем тебя. Ура! Ура! Ура!»

Но всё же эта огромная толпа приручённых чудовищ, эта могучая толпа на время добродушных ненавистников установленного порядка, на несколько кратких мгновений вырвалась из-под контроля хозяина и обагрила руки в крови врага. Деяние было столь же быстрым, сколь и ужасным. Их было всего четверо, безоружных, шли на прогулку. При виде этих людей тысяча глоток издала глубокий и страшный рык ненависти. Это были храбрые люди. Они прижались спиной к стене, чтобы умереть, как подобает храбрецам, — сражённые, избитые, растерзанные, растоптанные, проташенные по земле. Расправа вышла быстрой. Они сталкивались с воющими дикарями на Диком Западе, с раскрашенными чудовищами в человеческом обличье, но никогда не слышали таких воплей, исходящих из глоток людей. И так они умерли, четверо храбрых в синей ливрее Республики. Их единственным преступлением было то, что несколькими месяцами ранее, против торжественного протеста Хозяина, их товарищи ступили на землю этого содружества и спасли Столицу Запада [^5] от рук той же самой толпы.

И так Чикаго отпраздновал избрание нового Президента — того, кто должен был освободить страну от хватки ссудодателей и исправить злые дела долгих лет нечестивого союза между барышниками и продавцами человеческого труда, с одной стороны, и законодателями страны — с другой.

По всему Югу и за Великим Разделом [^6] весть ударила по местечкам и деревням как благая весть нового евангелия — почти столь же могучая для человеческого счастья, как небесное послание две тысячи лет назад. Колокола звонко возвещали радость, и сами звёзды дрожали от рассказов и пересказов о том, что сделано для бедняка его братьями с Севера. И вокруг пылающих сосновых сучьев в южной хижине, и перед кострами горняцких лагерей Дальнего Запада раздался крик: «Серебро — король! Серебро — король!» Чёрные и белые ладони сжимались в этой странной любовной трапезе, и смуглый внук больше не чувствовал жжения кнута на плече отца. Всё было мирно и дружелюбно, ибо народ наконец победил врагов, которые налогами и десятиной вогнали его в сущую смерть. Теперь труженик не только будет достоин своей платы — она будет выплачиваться ему в народном долларе, ради блага народа. И сундуки богачей заставят выдать несправедливо нажитое добро. Солнце окинет взглядом эту широкую и прекрасную землю и не найдёт человека без рынка для продукта его труда. Отныне богач, если он справедлив и честен, будет платить королевскую сумму за привилегию своего счастья и понесёт налоги нации на своих широких плечах — где им и место.

— —
Примечания редактора:

[^1] Имеется в виду Нью-Йорк.

[^2] Хеймаркет-сквер (площадь Хеймаркет) в Чикаго — место известных беспорядков 1886 года, связанных с анархистами.

[^3] Под «Содружеством Запада» подразумевается штат Иллинойс.

[^4] King-maker (королевский казначей, или «делатель королей») — здесь иронично: человек, который возвёл Брайана на пост президента.

[^5] Имеется в виду Чикаго.

[^6] Великий Раздел — Скалистые горы, водораздел между востоком и западом США.

Глава III

Никаких перьев не хватило бы, чтобы с исторической полнотой и точностью описать безумные сцены волнения, разразившиеся на биржевых площадках по всему Союзу утром после дня выборов. Чем крупнее и важнее был денежный центр, тем глубже, чернее и тяжелее было отчаяние, опускавшееся на него после того, как утихали бурные вспышки протеста, криков и проклятий. Некоторым казалось, что видения их быстрого, но верного обнищания превращают тёмную и мрачную драму революции и распада в уморительный фарс, — и они встречали предстоящую потерю своих миллионов громкими взрывами хохота, неопишущим кривляньем и непристойным весельем.

По мере того как тянулся день, новости становились всё хуже. Стало совершенно очевидно: Палата представителей пятьдесят пятого Конгресса [^1] перейдёт под контроль объединённых голосов популистов [^2] и сторонников свободного серебра [^3]. А дикая радость, с какой весь Юг приветствовал избрание Брайана и Сьюолла [^4], не оставляла у северян сомнений: южные сенаторы, все до единого, встанут на сторону администрации в том великом конфликте, в который Республике вскоре предстояло быть ввергнутой. Добавьте к ним двадцать сенаторов от северных штатов свободного серебра — и у нового Президента окажется Конгресс за спиной. Ничто не встанет между ним и осуществлением любых замыслов, какие только может породить пылкое воображение, не обузданное опытом и презиращее поводьями мудрости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.